

ИЗ АРХИВА ГЕРЦЕНА

I. ПИСЬМО П. А. БАХМЕТЕВА ГЕРЦЕНУ. II. ИЗ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ ЖИЗНИ ГЕРЦЕНА

Сообщение Н. Анциферова

I. ПИСЬМО П. А. БАХМЕТЕВА ГЕРЦЕНУ

Лондон

31 августа нов. ст. [1857 г.]

Милостивый государь, Александр Иванович.

Вверяю Вам 800 фунтов стерлингов для закупки для меня канадских билетов, гарантированных британским правительством, уполномачиваю Вас:

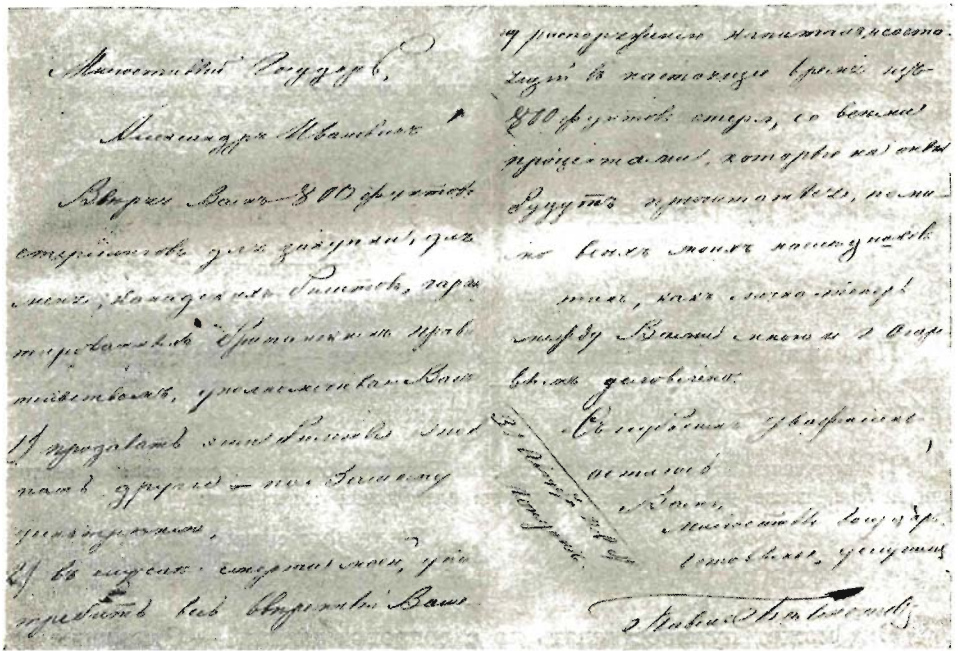
- 1) продавать эти билеты и покупать другие — по Вашему усмотрению;
- 2) в случае смерти моей употребить весь вверенный Вашему распоряжению капитал и состоящий в настоящее время из 800 фунтов стерл. со всеми процентами, которые на оный будут причитаться, помимо всех моих наследников — так, как лично теперь между Вами, мною и г. Огаревым условлено.

С глубоким уважением остаюсь Вам, милостивый государь, готовый к услугам

Павел Бахметев

Происхождение этого письма, хранящегося в Государственном литературном музее, исчерпывающе объяснено Герценом на страницах «Былого и дум»¹ и, вместе с тем, служит полным подтверждением всего там рассказанного. В августе 1857 г. Герцен «получил записку, очень короткую» с просьбой о свидании. Он сам зашел к обратившемуся к нему незнакомцу в Саблоньер-отель. Оказалось, записку написал «молодой человек с видом кадета, застенчивый, очень невеселый и с особой наружностью, довольно топорно отделанной, седьмых, восьмых сыновей степных помещиков». Молодой человек объяснил Герцену, что он, несмотря на всю свою любовь к родине, решил навсегда покинуть Россию, для того, чтобы на Маркизовых островах «завести колонию на совершенно социальных основаниях». После этих объяснений незнакомец, назвавший себя Бахметевым, предложил Герцену большую сумму в 20 тысяч франков на дело революционной пропаганды, желая сделать что-нибудь полезное для покидаемой им родины. Герцен не сразу принял это предложение. В конце концов он уступил, но поставил Бахметеву свои условия: 1) получающий дает доверителю расписку; 2) деньги вверяются не только Герцену, но и Огареву; 3) в доверительном письме Бахметева не указывается, на какие цели даются деньги. Герцен решительно заявил при этом, что без крайней нужды денег на цели пропаганды не возьмет, а будет беречь их, приобретя на полученную сумму «бумаги, гарантированные английским правительством» до возможного возвращения Бахметева с Маркизовых островов. После посещения банка и Ротшильда для оформления передачи «решились тридцать тысяч взять золотом и ехать домой; на дороге заехали в кафе, я написал расписку; Б[ахметев], с своей стороны, написал мне, что отдаст в полное распоряжение мое и Огарева восемьсот фунтов»².

Нет никакого сомнения, что публикуемый нами документ и является тем письмом, которое по настоянию Герцена написал ему Бахметев. Здесь совпадает и переданная сумма — 800 фунтов стерлингов. Согласно указанию издателя «Колокола», здесь отмечено, что на данные деньги приобретаются ценные бумаги (канадские билеты), и повторяется фраза «гарантированные английским правительством». Далее, согласно требованию Герцена, назван, как доверенное лицо, и Огарев. Цель передачи не определена. Выполнено и условие об ограничении прав издателей «Колокола» — капитал поступает в их распоряжение «в случае смерти» доверителя. Оговорено также, что деньгами располагают лондонские издатели «помимо всех... наследников». В «Былом и думах» Герцен приводит слова Бахметева: «Делайте что хотите, но... не отдавайте ничего моим наследникам»³.

ПИСЬМО П. А. БАХМЕТЕВА ГЕРЦЕНУ ОТ 31 АВГУСТА 1858 г.

Литературный музей, Москва

На основании всего этого мы в праве заключить не только то, что счастливо уцелел тот самый документ, который упомянут в воспоминаниях Герцена, но и то, что Герцен пользовался им, когда писал главу «Молодая эмиграция». Трудно допустить, чтобы все эти детали в такой точности сохранились в его памяти в течение десяти лет⁴. Наконец, особенно важно то, что это письмо окончательно устанавливает личность Бахметева.

Подпись под документом — Павел Бахметев — не оставляет никаких сомнений в том, что это был Павел Александрович Бахметев, о котором писал знавший его лично саратовский старожил Д. Л. Мордовцев в статье «О Рахметове» («Северный Курьер», 1900 г., № 164): «Я его знал очень хорошо, потому что в конце 40-х годов учился с ним в одной гимназии в Саратове. Жил с ним на квартире рядом». Д. Л. Мордовцев характеризует Павла Бахметева того времени, как избалованного барчонка. Далее автор заметки сообщает: «Способности Бахметева были не блестящи, и я часто помогал ему решать математические задачи, переводить с латинского трудное место. Но то, что он усвоил с трудом, то держалось в его убеждении так крепко, что и клещами не вытащить. Любил он французский, за что товарищи издевались над ним». По окончании гимназии П. А. Бахметев поступил

в Горигорещкое сельскохозяйственное заведение, взяв с собой на свой счет своего товарища — Августа К. Мордовцев переписывался со своим товарищем по гимназии, и письма Бахметева сохранялись в его архиве. В 1857 г. Бахметев появился у Мордовцева с небольшим дорожным саком, в котором хранились деньги, полученные за проданное дяде своему Свиридову имение. Оказалось, что он отправляется в Новую Зеландию (а не на Маркизовы острова, как утверждал Герцен). Там он думал «основать независимое общество, чуть ли не государство». Он договорился с Д. Л. Мордовцевым о переписке, собирался пригласить последнего в редактора предполагаемого журнала вольной общины. Тут же П. А. Бахметев сообщил, что перед отъездом побывал в Петербурге у другого саратовца — Н. Г. Чернышевского. «Перед отъездом сюда я провел с Чернышевским всю ночь в беседе, гуляя по набережной Фонтанки». Вероятно, он поделился своим смелым замыслом с Николаем Гавриловичем и выслушивал от него советы, а может быть, получал от него директивы.

Вспоминая впоследствии о Бахметеве, Н. Г. Чернышевский говорил С. Г. Стаховичу: «В своем романе я назвал особенного молодого человека Рахметов, в честь именно вот этого Бахметова»⁵.

II. ИЗ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ ЖИЗНИ ГЕРЦЕНА

Париж Флоренция 908 35 28 5/40
Герцену Гранд Отель Лувр Париж

Приезжай без колебаний возможно скорее — Натали сильно нездорова и очень хочет тебя видеть — Телеграфируй мне каза Фуми день твоего выезда — Ответ оплачен — Александр

По получении этой телеграммы от сына Герцен в ответ запросил сына о состоянии дочери, после чего им была получена следующая телеграмма:

Париж Флоренция 17 39 29 3 15
Герцену Гранд Отель Лувр Париж

Она может путешествовать но с сопровождающей — Отдаление отсюда было бы даже полезно — Это спокойное безумие — Устройся чтобы провести с ней пару недель в уединенном месте — Александр

Публикуемые здесь впервые документы, хранящиеся в Государственном литературном музее, сыграли в жизни Герцена особую и весьма тяжкую роль. После переезда из Лондона в Швейцарию издатель «Колокола» уже нигде не живет подолгу. Остатки его семьи распались. Старшие дети — во Флоренции, Наталья Алексеевна с Лизой — то в различных уголках Швейцарии, то в Ницце. Сам Герцен то во Франции, то в Бельгии, то в Швейцарии, то в Италии. Положение своей семьи он характеризует словами «*tenebra disjecta*», а себя сравнивает с Агасфером, у которого нет ни очага, ни крова⁶. 19 августа 1869 г. он перебирается в Париж. Наполеоновская Франция производит на него впечатление страны, находящейся накануне великих событий. «Здесь хаос и мы бродим на вулкане», — писал он Огареву 21 октября 1869 г.⁷ Вместе с тем Париж снова влечет его к себе. Двумя месяцами раньше он пишет Н. А. Огаревой: «А все же следовало бы жить здесь, что ни толкуй, только Париж да Лондон»⁸. В нем крепнет стремление при вечерних огнях своей жизни восстановить свой домашний очаг. 28 октября он пишет Огареву: «Я думаю, что повергшись во всем мире, все же надобно разбить где-нибудь свой инвалидный дом и в нем поместить больших и детей»⁹. В тот же день он вызывает телеграммой М. Мейзенбург с просьбой не откладывая выехать из Флоренции в Париж с его дочерьми. Казалось, что Герцен был накануне осуще-

ствления своего заветного, в плане личной жизни, замысла. Но в тот же день 28 октября была выслана публикуемая здесь первая телеграмма, а через два дня за ней последовала вторая.

Прежде всего эти телеграммы дают нам возможность внести поправку в «Канву биографии Герцена», составленную М. К. Лемке, в которой под 1870 г. значится: «31-го получил телеграмму от сына о болезни Таты». Откуда М. К. Лемке взял эту дату — непонятно. Может быть, он отправлялся от даты первого письма Герцена из Флоренции, помеченного 2 ноября? Во всяком случае, теперь ясно, что

ДОЧЬ ГЕРЦЕНА, НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Фотография, 1869 г.

Литературный музей, Москва

Герцен, получив 29 октября телеграмму, послал запрос сыну и, получив от него ответ 30-го, выехал во Флоренцию, быть может, в тот же день. Во Флоренцию он «ехал почти всю дорогу молча, внутренняя тревога, нетерпение виделись на его измученном лице»¹⁰.

Наталья Александровна (Тата) была любимой дочерью Александра Ивановича. Посвященные ей в разных местах «Былого и дум» строки полны горячей и нежной любви. Не в сыне, не в других дочерях видел Герцен преемницу своего духа, а именно в ней, в своей Тате. Он хотел, «чтобы молодое поколение в новом и преобразенном виде изящно продолжало хорошую сторону» его жизни. «Отчего же все уйдут и затянутся мелкой западной жизнью, и не будет никакого представителя нашей русской деятельности. Я на Тату надеялся»¹¹, и позже в дневнике записал: «Я имел в Т[ату] веру, основанную на симпатии и психологическом сходстве с N

[Н. А. Герцен] ¹². Способная художница, Наталья Александровна училась живописи во Флоренции, где ее брат Александр, ученик физиолога Шиффа, читал лекции. Тата жила со своей младшей сестрой Ольгой и воспитательницей Мальвидой Мейзенбург. Во Флоренции встретила она с талантливым итальянцем из Сицилии, графом Пенизи — слепым музыкантом. Герцен писал о нем Лизе: «Слушай же, он компонист, играет превосходно на фортепьяно и поет. Говорит сверх своего языка совсем свободно по-французски, по-немецки и по-английски, пишет (т. е. диктует) стихи и статьи; знает все на свете: естественные науки, историю и пр. Я еще такого чуда не видывал. Его водит человек по улицам; очень красиво одет» ¹³.

Пенизи увлекся Натальей Александровной, всеми средствами добивался любви и довел ее до помешательства. При встрече с отцом «Тата сказала с грустью — Вот и я нашла своего Гервега» ¹⁴. Герцен был глубоко потрясен всем случившимся.

ТЕЛЕГРАММА А. А. ГЕРЦЕНА ОТЦУ О ПСИХИЧЕСКОМ ЗАБОЛЕВАНИИ ТАТЫ
Литературный музей, Москва

В нем ожили все страдания 1851 и 1852 гг. Он и сам отмечал в письме к Огареву от 13 ноября 1869 г.: «это — совершеннейшее повторение истории Гервега» и далее: «кандидат в самоубийцы явился холодным палачем и злодеем» ¹⁵. Однако, в ответ на предложение Огарева обратиться к своим итальянским друзьям Квадрно и Маццини для воздействия на Пенизи он ответил отказом с указанием, что не хочет повторять опять суда над Гервегом. Наталью Александровну он увез в затишье Специи, в горы, к морю. Больная стала поправляться, и Герцен 19 декабря вернулся в Париж. По пути в Ницце он сделал одну из своих редких записей в дневнике: «Я думал, что новых ударов не будет... Жизнь, словно утомленная порогами, пошла покойнее, и вдруг новый обрыв и какой» ¹⁶. Это были последние строки его дневника. Потрясенный всем пережитым, Герцен уже не оправился. Он простудился на митинге протеста, созванном в связи с убийством оппозиционного журналиста Нуара принцем М. Бонапартом. Надорванный организм Герцена не перенес болезни, и он скончался 21 января 1870 г., написав за несколько дней перед смертью Огареву: «Что будет не знаю, я не пророк, но что история совершает свой акт здесь, и будет ли решение по + или по —, но оно будет здесь — это ясно до очевидности» ¹⁷. Так предвидел Герцен Парижскую Коммуну.

Публикуемые здесь телеграммы — возвестившие ему о новом обрыве его жиз-

ни — разрушили все его планы на восстановление «своего дома» и явились первым звеном в цепи тех событий, которые подорвали последние силы Герцена.

Его дочь Наталья Александровна совершенно оправилась от перенесенной болезни. Она прожила долгую жизнь, посвятив ее семье брата. Скончалась она в Лозанне осенью 1936 г. на 92-м году жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Герцен, т. XIV, стр. 414.
- 2 Там же, стр. 416.
- 3 Там же, стр. 415.
- 4 Глава «Молодая эмиграция» написана в 1867 г.
- 5 Стахевич С. Г., Воспоминания. «Н. Г. Чернышевский. Сборник статей, документов и воспоминаний», М., 1928.
- 6 Герцен, т. XIX, стр. 70.
- 7 Герцен, т. XXI, стр. 505.
- 8 Там же, стр. 426.
- 9 Там же, стр. 508.
- 10 Тучкова-Огарева Н. А., Воспоминания, Л., 1928, стр. 415.
- 11 Герцен, т. XXI, стр. 413.
- 12 Там же, стр. 532.
- 13 Герцен, т. XIX, стр. 204.
- 14 Герцен, т. XXI, стр. 515.
- 15 Там же, стр. 523.
- 16 Там же, стр. 532.
- 17 Там же, стр. 553.